

Номинация «Поэзия»

короткий список
премии «Лицей» 2018

ЛОТТЕ РУС
HOTEL & CONFECTIONERY

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЛИЦЕЙ»
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
И ПОЭТОВ

Rideró

**Константин Комаров
Андрей Фамицкий
Максим Матковский
Павел Финогенов
Дарья Морякова
Елена Жамбалова
Антон Азаренков
Денис Безносков
Тихон Синицын
Софья Серебрякова
Номинация «Поэзия».
Короткий список
премии «Лицей» 2018**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35001366
ISBN 9785449088031*

Аннотация

В сборник вошли поэтические подборки авторов, вошедших в короткий список премии «Лицей»: Антона Азаренкова (Смоленск), Дениса Безносова (Москва),

Елены Жамбаловой (Улан-Удэ), Константина Комарова (Екатеринбург), Максима Матковского (Киев), Дарьи Моряковой (Москва), Софьи Серебряковой (Санкт-Петербург), Тихона Сеницына (Севастополь), Андрея Фаицкого (Москва, Минск), Павла Финогенова (Нижний Новгород).

Содержание

Антон Азаренков	8
Две ягоды	8
«Неслышно ковыляет человек...»	11
Автограф	13
Сочельник	15
Элегия о Вознесенском кладбище	17
«и гречишный мёд с райскими яблоками – зачни...»	19
«Кем ты будешь?..»	20
«Гравий на заброшенной «железке...»	22
Денис Безносков	24
I	24
воззвах	24
метаморфоза	25
гимн зубу	26
внимание к ним	26
одного за другим	28
портрет глухого	29
ойкумена	30
10.13	31
когда я пришел	32
учесть	32
очевидно	33

их почти нет	33
порядок	34
разговаривают	35
бастер к.	36
моллой моран	37
пауза изнутри	38
вещь которая послушна	39
циклопы	41
ода целебесу	41
II	48
сон перед сном	48
комната	52
круглое	55
суд	56
двое поют	58
свидетель	60
бредущего с камнем	62
дурное обстоятельство	64
пещера	66
хождение	67
ода лиссабонскому лифту	68
III	72
там где слышно	72
те кто пришли	72
предметы падающие навзничь	74
послание предмету	75

среда обитания	76
простейший	77
а человек	78
позвоночное	79
грек фотографирует лаокоона	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Номинация «Поэзия»

Короткий список

премии «Лицей» 2018

Авторы: Азаренков Антон, Безносков Денис, Жамбалова Елена, Комаров Константин, Матковский Максим, Морякова Дарья, Серебрякова Софья, Сеницын Тихон, Фамицкий Андрей, Финогенов Павел

© Антон Азаренков, 2018

© Денис Безносков, 2018

© Елена Жамбалова, 2018

© Константин Комаров, 2018

© Максим Матковский, 2018

© Дарья Морякова, 2018

© Софья Серебрякова, 2018

© Тихон Сеницын, 2018

© Андрей Фамицкий, 2018

© Павел Финогенов, 2018

ISBN 978-5-4490-8803-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Антон Азаренков

Две ягоды

1

Отрок взобрался на дерево,
старую заповедную вишню,
на сто девяносто шестой странице
Псалтыри Ля́ттрелла;
забрался и не замечает
садовника, караулящего внизу
с неизбежной дубиной,
и нависающих сверху
острым чернильным дождём
готических литер,
но, сбросив ботинки и ошалев от радости,
набивает щёки, потём – карманы
сладкими-сладкими ягодами...
И ни одной шишки.

Истинно говорят:
Восходят до небес
и низходят до бездн
душа их в злых таяше...

Между левой стеной и правой,
прямо над теплотрассой,
выросла возле Центра медицинской радиологии
огромная белая черешня.
По местной легенде, кто-то
бросил косточку из окна —
с тех пор и тянется это вредное
«радиоактивное» дерево
выше первого этажа,
где празднуют выздоровление,
выше второго,
где отмывали чернобыльцев,
выше третьего,
где не останавливается обычный лифт,
и четвёртого,
самого светлого – и пустого.
И лет, говорят, ей столько,
сколько и мне: много и вечно мало.
В солнечную погоду
ослепляет разлапистая черешня
пациентов изнанкой своих жестяных листьев,
так что некоторые тут не различают —
то ли кружится голова,
то ли дует с востока незлой и обильный ветер...

Жизнь – это бросок костей
с пятого этажа,
и счастье тому,
кто её попробует.

«Неслышно ковыляет человек...»

Неслышно ковыляет человек.
Вокруг, колыша ветхий борщевик,
клубится снег. Ложатся покрова
на кровли, трубы, бани и хлева
(дрова, сараи, тряпки, конуры
и прочее скупое иудейство).
В прихожей собирается семейство.
Шипят говоруны.

*Где мыкается бедная дочка?
Чем угощать священника, дьячка
и певчих? Аль выгнали Дружка
и Муську из гостиной? Мужичка
позвали, Сашику с Костырей? Скажи
яму́, шоб подсобил. А свечи?
На кухне вчетверо по луковой дощечке
быстрее стучат ножи.*

Сижу на лишней табуретке, разделив
сестру и мать – как дикобраз
какой-то – молчаливо: здесь табу
на разговоры. Лезет снег в избу
постылой панорамой, но белей
рассохшаяся краска крестовины
и на трюмо спадающие криво

лавины простыней.

Там пятна растекаются гвоздик.
Мы обступаем, будто борщевик.
Клубится ладан, сходятся лучи —
семь лезвий — в сердце. Мати, умягчи!
И полностью пропитанный покров
на зеркале. Стоим, не замечая:
спелёнатую куколку качая,
Кто высится, поправ.

Автограф

Дорогая мама!

Герой моей первой книжки

пьёт и курит.

И часто болеет.

И изменяет женщинам, как твой первый
благоверный

«козёл азаренков».

Герой этой книги много пьёт

стыда, красного и сухого;

зуда, живого и тёмного.

И не герой, конечно, а так – субъект,
в меру упитанный, порой лирический,
особенно когда выпьет.

Ладно, мама,

знаю,

что дед Колька умер от этого,

что Витька умрёт от этого,

что все мы стоим в этом, как в огне, в говне, в гиене...

Знаю. Ну а что с этим делать? От осинки
не родятся апельсинки.

Кстати,

Егорьевская церковь на Фурманова
теперь общежитие:

бельё на фоне общипанной панорамы...
Старушка выводит из ветхого закутка
трёх-четырёх коз
и кособокого Боньку
пасть на церковной лужайке.
А когда тот залезает на чей-нибудь огород,
раздаётся окрест: «Бонька! Ты ты соусом оборзел?
А ну дывай тикай оттудава, кому скызала!
Получишь тут! У-у-у, козлище поганый, чёрт ты
лысый! Фашист проклятый, вредитель,
конченный...»

Сочельник

Ну что тебе ещё написать...
Бог есть,
раз есть дьявол,
умеющий растравить —
до психоза – простую спичку,
показывающий кино в засыпальной тьме,
подпиливший и ножку стула, небось, нарочно...
Устроивший в вино-водочном на углу
распродажу и даже – под Рождество! – ангину.

Потому что все ангелы ждут, а дьявол здесь.

Ну, не совсем настоящий
(настоящий, говорят, красивый),
а такой, обычный:
ворчащий, глупый.
Тетёшка, пушной зверёк.
Мелкая сошка.
Даже немножко жалко.

Накорми его своей кровью,
своей горячкой,
гречкой,
лучшими годами,
густотой волосяного покрова,

главой из диссертации,
пустотой наполовину тёплой постели,
нерождённой дочкой —
«Сонечкой,
со скрипочкой» —
а он всё пилит, пилит чужую мебель
и подбрасывает в костёр.

Вдалеке переливаются огоньки.
Улыбаются бумажные иконки.
Я стою на срыве своей Диканьки,
весь в пуху сухостоя, собачках, сухом репее —
сейчас загорюсь.
Мой зверёк мне терзает валенок, простофиля.
— Да есть, — говорю. —
Есть, наверно.
Только вот смотрит другие фильмы.

Элегия о Вознесенском кладбище

На потайной скамейке
встречались ввечеру
(у матушки Ирины,
Панкратовой в миру,
покинутой в могилке...
А я потом умру).
По узеньким тропинкам
гуляли наугад
до сумерек, и бёдра
скользили меж оград.
И в сумочке лежали
таблетки циклодол.
От холода дрожали,
и длился поцелуй...

Как юности детальны
и память, и вина!
И как сентиментально
то кладбище: *больна*.

Увидел приведенье,
знакомое лицо,
в соседнем отделении,
тоскливом ПСО.
«Мы всё перетерпели, —

шепну через года, —
но, сколько б ни болели,
мы здесь не навсегда».

«и гречишный мёд с райскими яблоками – зачни...»

и гречишный мёд с райскими яблоками – зачни
яхонтовый, почти любимый – и слава Богу
надоест одеяло сминать ночами, ногами
а он пригубит, он приголубит

что за бесплодное вычитание человека из образа
вычитывание человека из книг и титров
будто ходит по свету пустой и оборванный силуэт
в нимбе из букв и титл
хитрая каллиграмма

отмой от мира того, обмой
в ответ обнимающего обойми
а то сама не своя и рука на чашке
не своя, и слова-тройняшки от лукавого
дарить как волосы распуская (в скобках
преумножая скорбь)

«Кем ты будешь?..»

Кем ты будешь?
Незваной гостьей
в тихой рай-
онной больнице,
спланированной фармацевтической горстью,
ножом ревнивицы?

Кем я буду?
Профессором какой-то литератури?
Пылью в ад-
министрации? Поэтом? (Паяцем,
сменившим ходунки на ходули.)
Всё это плюс пьянство?

Ты же моя шептунья, всегда над левым плечом...
Длинная тень урочная в час отхода ко сну.
Самая лучшая! Дай мне любить другую —
прямо и горячо;
и Другого, сорвавшего тебя саму.

Дай мне смотреть на солнце — без тебя.
Слушать бубны, лютни, рожки, кимвалы — без тебя.
Разреши не различать твой запах
среди утреннего базара и летнего сада.
Ты ж моя крохотка!

Мой роковой комочек,
расцветающий в мозгу, как бахчисарайская роза.

«Гравий на заброшенной «железке...»

Гравий на заброшенной «железке»
промерзал в лесопосадке, в перелеске.
Тёмное пиво в помятой жестянке
холодело на ходу, как таитянки
кровь, окажись бы она на краю
городка-райцентра, в панельном краю,
там где я стоял – и стою.

Смальта той далёкой «девятины»
вызывает у меня картины:
как мы шли с тобою ровно десять
лет назад, целуясь и кудеся.
(Голова мигнувшей телебашни
в облако ушла...) Из-под рубашки,
помнишь – нет, не помнишь – шоколадный
запах, потный, мятный... Школа рядом,
рядом мамин ларёк и последний упрёк,
а нам не впрок! Нас растили,
чтобы нас растлили.

На заброшенной «железке» может призрак
старого товарняка ударить в спину:
нужно призывок этого гудка расслышать в ветре,
в злой посадке, в тёмном перелеске,
и не больно спрыгнуть вовремя на насыпь.

Ты смотри, не кооператив гаражный,
а раёк – гогеновый и пейзажный...
Что-то жарят на мангале – был бы повод!
Девочка с оранжевым помпоном
бегает вокруг, как пуповина
времени, орёт, как скотина
резаная – пронзительно и ново!..
На́ве на́ве фэ́нуа нба нба!

Денис Безносков

I

ВОЗЗВАХ

что появляется из глубин
пены земли бетона песка
что принимается за предмет
белый немой привычный таким
нам представляется без одежд
старых иных протертых его
вид перевернутый и его
горло когда смолкает язык
вверх поднимается по ноге
дышит ползет смекает себя
в нем израсходовав все шаги
пятки свернув в утробу стремится
что растворяется там прикрыв
телом своим размеры себя
так пресмыкается что сочтя
тело свое примером других

метаморфоза

камень становится голубем сонно
крылья растут из боков колокольни
в небе покрытое плесенью солнце
стянуто проволокой в треугольник.

желтой медузой язык входит в глину
высунет голову из-под кровати.
между домов сон отрубленный вклинут
ходит по улице вдоль караваджо.

выкинет из головы полушепот.
гвозди с разбега целуют запястье.
доктор катается по полу чтобы
бились о стенку слова из запаса.

но за порогом не будет паркета
только шкафы в коридоре направо.
тенью по комнате тянется некто
мальчик-еврей превращается в краба.

в том промежутке сознание не нужно.
тело делимо и следственно кратно.
белые звезды рисуют окружность
пренебрегая локтями квадрата.

гимн зубу

другим сломленным не чета оный
целых восемь пломб в нем побывало
над фундаментом между трех стенок
давно первая развоплотилась
да развалины от второй где-то
внутри скрытые может остались
третьей разве что силуэт виден
но впоследствии четвертой пломбы
почти цельная плоть сохранилась
а вот пятая пала под гнетом
верхней челюсти пищи насущной
тоже самое с шестою стало б
седьмой если бы не сладил рядом
мастер но она распалась вскоре
тогда новую сваял восьмую
но со временем и она пала
гнета тяжкого не стерпев нынче
здесь девятую пора воздвигнуть
созидания истин во имя
разрушению всего переча

ВНИМАНИЕ К НИМ

я расставлял их
по порядку
оставив щели между

такие
паузы куда

можно подставить других
непохожих на них

между расставленных их
по порядку и тех
именно щели таких

же как другие
другие

паузы точно таких
редкие щели оставив
редкие паузы тех

этих в паузах смежных
полых щелях

между ними
и тех

я расставлял их
вместе с другими

в редких щелях
между тех
по порядку

я расставлял
их до других
других

одного за другим

лбами вперед выносят
переселенных их
дабы не допустить лишнего

первым закрыв бумагой
белой глаза вторым
тканью перевязав легкие

рты раскрывая третьим
не искривленным но
тоже перед собой видящим

складки у них на коже
морща четвертых так
просто перевернув спинами

кверху следы прощупав
первых несут потом
прячут за простыней пяты

весом своим отличны
от предыдущих их
коих не без труда вынесли

прежде другие следом
но интереса к ним
меньше и пропустить прочие

далее вовне идущих
из глубины дела
можно чтоб не терять важного

портрет глухого

повернув лицо по часовой
помещение осмотрев
в помещении находясь
в дом помещенном
ищет куда сесть
ищет куда встать
не привлекая так

между тем внимания к себе

аккуратное про себя
еле слышное повторив
первое слово
в горле кого звук
ищет куда встать
на распрямленных двух

повернувшись весь наоборот
помещенную под гортань
проведенную сквозь язык
речь из бумаги
склеив ее слов
многих боясь но
толком не зная их

между тем значения они
непонятное говоря
в помещении находясь
путают звуки
горлом жуют речь
после чего так
дом отвечает им

ойкумена

тем временем время стоит на месте
внутри него висят настенные часы

глодают перевернувшись кости
и сплевывают крошки в потолок
недородившись а потому корчась
в ухмылке изогнутой едва шевеля
скулами роняя слюну в почву
бесплодную где разошелся шов ее
дабы поперхнувшись сделать то же
что и прежде клювом каменным вспять
остальному телу даруя тяжесть
о том не ведая и поправляя рот
а нам велено прислушиваться к воплю
постороннего откуда-то извне
числа произносящего круглым
горлом перевернутым вверх дном

10.13

кто переходит улицу
у кто растет борода
причесавшись кто сел
сидит и читает газету
репертуар театров
криминальная хроника
у кто выпадает зуб
кто округляется
кто звонит жене
жена объясняет кто

правила поведения
в общественных
местах

когда я пришел

когда мне объяснили что нужно делать
я очень удивился. потому как раньше
мне уже что-то подобное объясняли. впрочем
разумеется совсем не этими самыми словами.
хотя вероятно. подразумевалось что-то другое.
а если даже подразумевалось то же. что и
прежде. значит абсолютно необходимо сделать
то. что нужно без лишних вопросов. то есть
первое. сделать все что сказали сделать
второе. немедленно встать попрощаться и удалиться.

учесть

мое ухо опубликовали
в одном маргинальном издании
теперь можно цитировать ухо
но с указанием источника
и страницы поскольку такое
печатное ухо весомее

обыкновенного каким было
мое ухо до публикации

ОЧЕВИДНО

думать затем думая несмотря
на то говорить что-то кому что
именно чтобы гул горьк горлопан
в горло не то что вопрос куда есть
пятерней впрочем такой нет
нет как вдруг решетом с себя
на пол скажи косноязычно так
что не вполне понятно кому что
но несмотря даже брюхо плывет
вверх спиной путь ему воспален
но несмотря маслом шьет губу
чтобы вопрос думать косноязык
горло тому понятно себе кому
только не так впрочем не то же нет
первый глоток спина позже такой так
выплыв на место вместо именно слог

ИХ ПОЧТИ НЕТ

когда приходит оно

когда оно приходит
они приходят
приходят они и свистят
приходят они и шепчутся
приходят они и стоят
под лестницей
оно не нравится
такой расклад
оно тоже стоит и смущается
оно стоит и вертится
оно стоит и не знает что делать
тем временем они начинают падать
они падают один за другим
они продолжают падать
пока оно стоит
оно становится страшно
оно испугано не на шутку
они продолжают падать
один за другим они продолжают падать
оно стоит и боится
когда оно уходит
когда уходит оно
они лежат под лестницей
под лестницей они лежат

порядок

двойной мужчина сел
шевелия запястья
терпеливо ждет
включается вентилятор.
вторая половина его
встает и выключает
вентилятор затем
садится наоборот
терпеливо ждет
включается вентилятор.
первая половина его
встает наоборот
выключает вентилятор
садится. затем
обе половины его
терпеливо ждут
шевелия запястья
вентилятор смеется

разговаривают

на мокром полу
обнаруженный человек
непривлекательно сух
с плавником во рту

плавник шепчет я

кость местоимения

а человек говорит ему
и щекой вытирает пол

человеку стыдно лежать

поэтому он стоит
притворяется будто его

никогда не было

бастер к.

глаз ждет гостей
сидит в кресле
напротив двери глаз
смотрит на дверь
из своего кресла.

глаз сосредоточен на
закрытой двери глаз
ждет в кресле
напротив двери глаз
смотрящий на дверь
из своего кресла.

дверь напротив глаза
сидящего в своем
кресле напротив двери
в ожидании гостей
тем временем закрыта
на ней сосредоточен
глаз смотрящий из
кресла на дверь
в ожидании гостей.

в кресле напротив
закрытой двери сидит
глаз смотрящий на
дверь из своего
кресла ждет гостей
гости не приходят.

МОЛЛОЙ МОРАН

сцена с открытым ртом
сцена находится там

на ней еле видны
которые безобидны

руки в карманах у них
вместо карманов у них

парчовые мешки

в руках камешки

мало у них рук
каждый камень кругл
точно шестнадцать их

не больше и
не меньше

пауза изнутри

белое двуполому
десну надкусывая босыми
ступнями его брезгует
дабы в яме той
оступился он
в той черной яме

линией по тембру тих
его уклончивая на грифель
надета рука грифелем
изрисован был
от волос до ног
был изрисован

между тем последнее
сказать обученному не видеть
предметы себя прочее
не получится
что ни делай как
ни изловчайся

у него отсутствует
в зрачке зауженное в иголку
прямое на свет тождество
дабы взгляд его
обращенный вглубь
не устремлялся

так остывшей в легкое
земли невыкопанной насыпав
сжимают в зубах выбранный
разобщенный слух
непригодный для
дел неудобных

вещь которая послушна

сделает всё что ему будет сказано сделать кивая глиняной
головой
в ответ на легкое прикосновение вдвое сложенного
пополам листа

бумаги

потому на клочке пиши внятное требование внятным
языком

речью не искаленной пальцами напряженными
от самых корней
запястья

в мягкую глину погрузив плоские ногти слегка
приподняв по шву
кожу сплошь по овалу покрытую волосами чтобы
проникнуть
внутри
сосуда

там в ёмкости оставь исписанный буквами сложенный
пополам лист
бумаги на котором инструкцию загодя написал
полностью
истончив
почерк

внимая каждому слову внимательно думая кивая
глиняной по шву
после проникновения сросшейся обратно головой
спокойно всё
исполняет

ЦИКЛОПЫ

пересчитав сгибы тело костной когда оболочки
плотной почти лишено жидким свернулось в комок
чтобы исчезнуть в углу притворялся исконным и чуял
всхлипы глухих в пустоте круглой делимой извне

бренной пятки приметив следы примеренных порядком
выучен чьих перевод с мертвого их языка
им же будучи дан прежде ногти воткнув в подоконник
думать застыл у дверей что-то приметив вверху

ода целебесу

окрест переливаясь из
червивого наречьем в челюсть
коровью черепом нацелясь
промеж подслеповатых вниз
к закуренному переулку
вразвалку вверх и вперевалку

колесами слипаясь с тем
что попадет на распутье
дорожном перекрест распяты
между обшитых плиткой стен

верша внимательное дело
протягивает хобот дуло

по чешуе ползком
корзина для бумаги
сетчатая идет
споткнутая походка
губами шевеля
достаточное этим
но тех не пропустив
имея основания
не двигаться вперед
стоять по швам на месте
но продолжая воп
реки тому тянуться

по кромке ленты напрямик
слон механизм безглазо вертит
лицом своим железный вентиль
где нос быть должен на прямых
конечностях под тяжким весом
не согнутых со стружкой ворсом

отсутствующий голос пьет
из глубины резного горла
взывая наподобье горна
к земле клонясь и роя под
нее шагами перед носом
стоящих тело переносит

протягивает вглубь
толпы зевак скривленный
цилиндр пустой внутри
полуживого мяса
по виду жестяной
напоминает обруч
кайма вокруг него
сплошного в серой коже
внимательно вперед
направлено окошко
смотрящего на всё
единственного глаза

качает в такт себе туман
неповоротливая глыба
холодная с дороги грубо
пихает полные дома
к обочине дробя их крыши
и крошит брошенные вещи

он вертит серой головой
по сторонам пейзажа прямо
перед собой смотря направо
воя налево и на вой
его выходят и внимают
они к пустым шумам немые

которые стоят

вдоль улицы фигуры
обыкновенных лиц
до дна опорожненных
с протертой до кости
изжелтабелой кожей
небрежно на скелет
натянутой когда-то
имея верно цель
того или бесцельно
и из последних сил
зрачки передвигают

в тени огромного слона
вползающей в пробелы склона
пунктиром черной пленки скромно
углы темня его слюна
расплывшаяся в спазме лица
морщинные накрыв змеится

стеклянный глаз ребрист и пол
внутри следит так каждый прочий
обнюхиваемый на прочность
предмет проверен хобот по
щербатой плоскости от раза
сужаясь к разу вдоль отрезан

в замедленной идет
и монотонной съемке
за хоботом таща

по переулку тело
танкоподобное
несовершенно сшитый
ломая на пути
своем что попадется
а по бокам стоят
статичные на кукол
похожие они
и воздух доедают

на небе рыбы полувы
тянув хвосты спиной повисли
распластанные вдоль по выси
над женщиной без головы
наспех составленной по дробным
лекалам вне сродни подобным

у целебеса желтый слух
он слышит собственную ёмкость
фонемы каждого обломка
истертого под весом в пух
он видит рыб и рты за толком
невидимым у них затылком

и слон лицом к лицу
отпугивает буквы
и эти будят тех
в припадке шевелящих
гортанями свои

неясные предельно
суждения тому
подобное случилось
и раньше говорят
разбуженным об этом
а те молчат в ответ
растеряны спросони

расплывшись рябью по воды
сухой пластмассе слепо стынет
запечатленный свист в пустыне
под ним безротый поводыр
нутром глухие вои важно
шагая между кукол вяжет

стоишь среди подобных нерв
в запястье сжав под безымянным
с глазами или без обманом
межпозвоночным взят из недр
в параличе следишь на череп
надев туман и смотришь через

движение по прямой
стального целебеса
тяги изрешеча
сознание в продольном
разрезе по пятам
предметы проседают
на ощупь ощутив

поверх стальную массу
без формы становясь
с каждой секундой пуще
бесплотней каждый час
привычно приходящий

II

сон перед сном

восемь марионеток щеки в мраморной копотии
за столом круглые в доме коридорами замкнутом
самим в себя строгий порядок чередования
пиджаков черный белый черный белый и обратное
чередование напротив таким образом сидящие
в совокупности подобны шахматной доске при
наблюдении

беглом а при более детальном их изучении
порядок прихотлив поскольку сидящие не только разного
пола женщина напротив мужчины напротив женщины
мужчина но и признаки полового различия надуманы
одинаковая одежда гладкие деревянные головы
без какой бы то ни было существенной поросли
внешностью

подобные друг другу но все-таки некие закономерности
на лицо даже при эпилептическом свете лампочек
тяжелых на вес тугой провод из потолка единственный
источник света в темноте где вилку мимо рта гордые
неподвижные каждая осанка по струнке

в сосредоточенном
спокойствии на стуле с высокой спинкой в доме
предназначенном

для собраний гостей первостепенных важных
высокопоставленных

дорогих хозяину неизвестному наблюдателю за зеркалом
отражение с одной и прозрачное стекло с другой стороны
именно

там самое уютное местечко молчаливые но при
безучастности

своей неподвижности деревянной мертвости все-таки
полностью

одушевленные то ли по вине мельканий на лаковой
поверхности

то ли из-за мастерских рисунков глаз морщин бровей
выпуклых

скул неровных ассиметричных губ верхние статичны
а нижние

челюсти

на проволочных крючках под каждым ухом для
беспрепятственной

речи посторонней но вероятнее всего своей собственной
вырезы

по бокам отсутствия трения ради большого размера
большого

чем размер обыкновенной куклы из театрального
представления

старые кое-где лак облупился распух пузырями сидят
вытянув
руки перед собой ладонями вниз из отверстий
подкожных
в петельки
вдетые еле заметные нитки растущие из костей в потолок
сплетенные
в сумбурный узел между собой и каждое даже
произвольное
движение влечет мгновенную соседнюю судорогу волной
к каждому
подступающую вздергивающую конечности всем
пальцами

указательными указывают на сидящего напротив
неподвижными
пальцами вместе со всем запястьем лежащими
в спокойствии
ногтями вверх расслабленными до тех пор пока вдруг
сидящие
следуя некоему импульсу внезапно не ставят запястья
медленно
на ребро сгибают руку подтягивая ее к себе принимают
синхронно стучать пальцами по столу беспрекословно
следуя

единому ритму ускоряясь по возрастающей усиливая
интенсивность ударов с каждой секундой быстрее

синхроннее

громче продолжая смотреть пустыми рисунками лицами
лишенными всяких человеческих признаков исключая
разве что

внешний вид человекоподобие быстрее громче стучат
о стол пальцами

указательными указывая на сидящего напротив
подражая каждому

своему двойнику беспрекословно следуя заданным
интервалам громкости

интенсивности извлекая гладкими костяшками
из древесной поверхности

хоровое звучание непрерывный поток постукиваний
дерева о другое дерево

дергая нитки движением руки отражаясь через узел
в движении

другого стучат громче и быстрее и громче наконец
достигнув кульминации

когда извлекаемый звук прекращает делиться
на отдельные срастается

наподобие спутанных ниток под потолком в клубке
дрожание

конвульсии стряхивающем с себя когда громкости уже
некуда увеличиться

и не разобрать какой стук кому принадлежит они
вероятно чувствуя

некий нащупанный предел также внезапно как начали

прежде синхронные

удары о стол прекращают стучать пальцами и кладут
запястья медленно

и застывают в прежнем положении молчаливые и опять
неподвижные

комната

в тот день предположительно без рождества христово
косвенного когда мелом на мокрой кромке магнитной
ленты

написана была комната старая деревянная мебель
вдоль стен ее два шкафа один с книгами другой для
одежды

стол четыре стула диван напротив с желтой обивкой
и странным

узором напоминающим восточный такое же кресло
рядом оставленная на столе посуда напоминает

о существовании человека как отдельного
биологического вида

было холодно лаяли собаки в углах нарастала плесень

внезапно зажегся свет открылась дверь и вошли люди
два маленьких без каких бы то ни было отличий

человека странно одетых резкие движения лица пустые
безразличные и внесли в комнату на руках тяжелый
некий предмет и оставив его на полу удалились

в тот день предположительно неизвестна точная дата оставленный на полу в комнате предмет грушевидной формы похожий на что-то мягкое обтянутое брезентом то есть исконно бесформенное но обретшее форму посредством ограничения плотной льняной тканью то есть

накрытое и стянутое дабы избежать распада на составные внутренности а именно вероятное содержимое предмета только кажущегося единым целым обретшим форму отграниченным от всего внешнего плотной льняной тканью

обладающим исконно бесформенной мягкой природой но по неясной причине вынужденным маскироваться под твердую цельную сущность неделимый монолитный предмет грушевидной формы будто обтянутый брезентом

без единого вмешательства извне внезапно зашевелился

в тот день предположительно неизвестно точное место когда оставленный на полу предмет грушевидной формы внезапно зашевелился в пустой комнате написанной мелом

на мокрой кромке магнитной ленты где деревянная мебель

вдоль стен и отсутствуют люди за исключением принесших

накануне предмет и сразу же удалившихся из комнаты оставив

его на полу в окружении двух шкафов стола четырех

стульев

дивана кресла и оставленной прежде кем-то на столе посуды

будучи неодушевленным во всяком случае казалось под тканью

нет ничего существенного разве что какие-то сросшиеся вещи

с течением времени утратившие ценность сложенные на выброс

но по воле случая принесенные в комнату для непонятных целей

возможно тоже для напоминания о человеке как отдельном

биологическом виде вся комната вокруг тоже зашевелилась

в тот день предположительно перед одним и после другого

когда комната вместе со всей мебелью двумя шкафами столом четырьмя стульями диваном креслом посудой оставленной кем-то на столе расставленной вдоль стен и предметом

грушевидной формы принесенным в комнату двумя накануне

маленькими людьми странно одетыми безразличными крайне

похожими друг на друга зашевелилась вероятно подражая

мягкому предмету исконно бесформенному обтянутому

брэзентом

внезапно потух свет открылась дверь и вошли люди
другие

но тоже два маленьких без каких бы то ни было отличий
человека странно одетых резкие движения лица пустые
безразличные и вынесли из комнаты тяжелый
грушевидный

продолжающий шевелиться по-прежнему с комнатой
вместе

некий предмет и забыв закрыть дверь за собой удалились

круглое

прожектор белое статично остальное черное то
есть остального нет поскольку белое можно видеть тем
более если белое статично а прожектор вне белого потому
не виден то есть черное как следствие то есть оно
тоже статично постольку поскольку статичен внутри
прожектор иными словами первично белое только его
можно видеть но даже источник за пределами его не

виден. ничего не происходит кроме горения которое не
может пониматься как полноценный процесс то
есть процесс предполагает движение смену кадра но
белое такое же точно каким было прежде то есть час
назад то есть белым а черное черным и то и
другое неподвижно но одно точно существует а

другое на контрасте с первым не существует. таково

перед черным преимущество прожекторного пятна
белого перед черным обрамляющим прожектор тем
самым его стирая из поля зрения то есть стирая вообще
поскольку невидимое не существует а видимое наоборот
в данном случае существует белый цвет а черный не

существует. и то и другое статично как вдруг
из черного слева направо некий черный силуэт
пересекает статичный белый быстрой походкой то
есть всего на долю секунды стирает предел который не
нарушался прежде пересекает белый слева направо и
затем уходит в черный быстрой походкой всего за
долю секунды и больше ничего не происходит что
могло бы показаться любопытным в белом пятне

суд

пожрати земнородных
в. петров

была квартира сдавлена ребрами в тесный квадрат
перевязана крепко-накрепко своим корпусом
ворочала дверь гладкокожая спина прилипла
которой к тусклому по стене от пола до потолка
расплющенному свету лампочкой единой

отброшенному с тем чтобы подобно слуху
тщетно расщепляться на мелкие части едва
сквозь бумагу проступая шириться дальше

была квартира полная утвари всякой чужих
недокормленных в спешке собранных потом выбранных
из шума вещей за обоями следы которых
стекают медленно в коридор холодный переварив
предутреннего прячась топота замученный
приветливое чтя слово увядший голос
только наблюдая за этими контуры чьи
так не чувствуешь а спокойно с легкостью входишь

внутри фигуры жилиста каждая кверху рука
указующим пальцем скорчена вовне выгнута
фалангами чтоб потолочные считая плитки
из пробки серые в уголках от влаги каждый квадрат
заплесневелый коих пятнами испачканный
привычен и тосклив дальше смирения ради
также неподвижно бок о бок вплотную стоять
час за часом терпеливо стен не касаясь

пока однажды трещины сквозь штукатурку крошась
оголенные зубы выставив углы голени
не сморщат пока не сожмется вся квартира в кокон
сомкнувшись ржавые позвонки сильнее чем прежде
свернет
дыхательные трубки выломав из полости
своей же принеся в жертву фигуры этих

в чрево погруженных квартиры которой уже
часть исчезла а остатки вытеснят после

была квартира некогда полная шума теперь
истощенная должным образом насквозь смятая
с продавленным дном от безобразных фигур спокойно
тогда избавившись от себя таким же не преступив
исконного порядка образом не ведая
причинно-следственных связей один порядок
сжавшись до предела щербатые кости стерева
в пыль исчезла захлебнувшись след проглотивши

ДВОЕ ПОЮТ

спиной к спине ремнями вплотную
связаны один выше ростом другой
ниже и судя по медленной походке
первого тяжелее несмотря на меньший
размер подвешен за спину на ремнях
висит вытянув вниз короткие ноги
парализованные ступни изредка дрожат
при каждом шаге высокого при каждой
его остановке посреди пространства
пустого без каких бы то ни было вещей

не на что наткнуться поскольку ремнями
сшитых друг с другом в сущности ничего

не ограничивает кроме поверхности пола
снизу и поверхности потолка сверху что же
до стен их не видно и вероятно нет
тяжело ступая с трудом переноса с места
на место тело покачиваясь глубоко
дыша жадно глотая воздух с каждым шагом
потом разворачиваясь там где вероятно
предполагался край или угол или стена

направляются в обратную сторону высокий
шевелит губами открывая и закрывая рот
прерываясь на вдохи выдохи вдохи ступая
с трудом шевелит ртом говоря что-то
но не издавая ни звука а спиной
привязанный к нему ремнями монотонно
делая паузы в некоторых местах где
по какой-то причине полагается делать
паузы говорит многословно равномерно
распределяя дыхание по всем словам
выговариваемым постепенно шаг за шагом
шевеление губ высокого начинает совпадать
со словами второго привязанного ремнями
вплотную к его спине говорящего монотонно
делающего паузы в некоторых местах

но в то время как говорящий монотонно
безо всякой интонации произносит слова
одно за другим выплевывая и глотая
слова вероятно не задумываясь ни над ними

ни над чем-то еще второй открывающий рот
шевеливший губами шагающий точно
воспроизводит лицом произносимую речь
не замечая что говоримое возникает
вне его и принадлежит этому ремнями
к нему привязанному спиной к спине

тоже самое дальше один говорит другой губами
шевелит и тоже беззвучно говорит пока
висящий не начинает петь тогда высокий
и вместе с ним привязанный к нему низкий
останавливаются оба стоят посреди
пространства между поверхностью пола
снизу и поверхностью потолка сверху стоят
высокий беззвучно поет песню а ремнями
привязанный спиной к нему монотонно
поет песню и при этом воспроизводит звук

свидетель

в небольшой кладовке метра приблизительно два на два
где вертится вокруг оси дремотно механизм в фанерных

коробках накрепко привинченный к серой следами воды
изъеденной плоскости исцарапанной служащей полом

всякому кто сюда по каким то причинам зайдет

просто так

ли проверить ли работу спокойно вращающегося механизма

посидеть ли в тепле не остывающем когда холодно за окном

в небольшой кладовке со стенами серыми следами воды
вовсе

без окон с одной только железной дверью которую
никогда

на ключ не запирают потому как работа спокойного механизма

возможна только если его периодически охлаждать
иначе он

может перегреться и выйти из строя не способный
в душных

коробках наматывать на ось обороты свои тогда с этим
ничего

нельзя будет поделать ибо починке наматывающий
обороты

на ось дремотно механизм не подлежит и заменить его
нельзя

разве что повезет в темной влажной с изъеденным водой
полом

кладовке с фанерными коробками внутри которых изо
дня в день
из часа в час вертится нагреваясь огромный механизм
дремотным

трением похрипывая суставов железных о внутренности
стуча
пальцами из-под фанеры о шестеренки захлебываясь
в душной

влажной кладовке едва успевая перевести
нагревающийся дух
между оборотами вокруг оси стоит свой позвоночник
прямо

вытянув руки вдоль пятки приклеив к полу упершись
в потолок
затылком смотрит внимательно на фанерные коробки
к полу

привинченные слушает трескание дремотное изо дня
в день из
часа в час наматывающее на ось обороты спокойного
механизма

бредущего с камнем

тело глотает землю
залпом вкопав в самую глубь
пятки дереву подобно
в продырявленный ветер
уставившемуся

с камнем к лопаткам треу
гольным его выгнутым вверх
так привязанным веревкой
чтоб морщинистый панцирь
выпячивался бы

поры раскрыв поверхность
камня слепя небом дугу
с телом выдохи хрипящим
разобщенную дышит
невылупленную

камень шершав на позво
ночник своим давит большим
весом кожу нагревая
раскалившимся телом
приращивается

ноги слегка сгибая
еле в песок ногти воткнув
ищет взглядом изнуренным
от движения камни
несгорбившиеся

губы смыкая размы
кая себе что-то под нос
морща скулы произносит
непонятное прежде
невыученное

гнутым запястьем выдох
каждый сжевав роет нутро
неба в помощь говоренью
застекленного чтобы
оконтуриваться

дурное обстоятельство

лысину острова окунув в воду желтый язык
вытянув щелочью исходя уши в узел связав
смоченной челюстью поперек контур рваный хвостом
пробуя свернутым глубину прямо глядя туда
где сокращается белое

палые блики вскинув на плечи носят по улицам
сонные люди с говором быстрым медленной поступью
глубь горизонта щуренным глазом знать обреченные

каждая линия на спине лежа кожу скривив
к рёбрам приклеена на себе держит пристальный взгляд

тропика жадные оголив зубы рвущего ткань
берега опухоль надо всем рака вырастив чтоб
суше порвать сухожилия

город покрытый пятнами солнца тенью изломанной
волны глотает клюв пеликаний выставив доверху
рыбой наполнив клешни моллюска сплюнув
с поверхности

каждая бьющая изнутри в связки тыквенный звук
плавно стрекочущий тетиву ритма двое ключей
туго которую натянув бьются между собой
шорох горлянковый в тишине водит музыка вдоль
берега вместе с прохожими

запахов кислых выдохнув желтым цветом из воздуха
дым извлекая к стеблям и листьям губы табачные
тянутся белым дымом исходят высунув легкое

с рыбьего острова убежать кроме водной дуги
панцирем раковой скорлупы вяжет сушу вокруг
крепко которая далеко к небу обручем грудь
выправив некуда оттого только молча сидеть
им остается не двигаясь

ходят по круглым линиям глядя голыми лицами
хруст насекомых заросли в глотку глаза коленками
глубже толкают с силой спокойной ради прозрения

пещера

bárbara choza es, albergue umbrío
góngora

впадина пропоротая внутри
песком по горло заросшего под той
что сейчас полое в себе хранит
с кожей слитое время

полостью за каменными костям
сухим китовых подобными ртов
навсегда сомкнутых слюной сглотнув
вместе с тем что попало

сводами распахнутую поверх
фигур которых случайностью сюда
занесло прочную от сих до сих
крышку куполом ставя

гóрода продавленного насквозь
поток спокойный которого от пят
до волос кончиков всего покрыл
горы выстроив вместо

этого запутанного дорог
клубка отверстий просверленных в земле

и жилищ глохнувших под вой о стен
спины с грохотом бьющим

собранным несведуще там свое
лицо на пустошь сменившим на себя
из песка головы надев теперь
станет каменным домом

ХОЖДЕНИЕ

так искалечен затем следуй к другому спиной
слышит кто порой помни того обойти
кто-то затем говорит в глину себя погрузив

смотрит так пятно в серый на ощупь туман
там оставляя следы ложные где голоса
навзничь лоб столкнув весть про себя проворчат

там оставаясь куда отзвук подошвы простерт
поступь их извне кожа которых срослась
тяжесть сырая одежд шеи ссутулила им

смотрит вниз пятно веками сморщив зрачки
помнит того обойти следуй к нему обходя
смотрит вниз пятно в глину себя погрузив

ода лиссабонскому лифту

уснувший спит не двигаясь ни капли сонно
дверьми зевая изредка вздыхая молча
уткнувшись взглядом в складки резких перепадов
ландшафта так закинув позвоночник вверх
на холм ступнями в улицу упершись по
прямой впадающей в прилив весь растянувшись
на плоскостях ребристых свернутых жгутом
под телом спящим спит по щиколотку в лысой
волнообразно испещренной черным вдоль
домов брусчатке в кляксовых подтеках стоя
по струнке неподвижно прилепив лицо к холму
а ноги с силой вжав в кривую площадь перед тем
как двигаться утробно и потом обратно вниз катиться
привычно прикасаясь к низу и потом опять утробно
к вершине глядя вверх

в гортань стальной трубы по щиколотку вросшей
в брусчатку головой примкнув к холму изрядно
украшенной от стоп до головы покрытой
стеблями скомканными но её предел
кубическую форму не нарушив ни
единым контуром в пустую глотку тоже
кубическая комната стальной трубе
подобная но стены в древесине едет
отталкиваясь от земли захлопнув дверь

о дверь короткое движение свершая
не больше тридцати секунд скорее и того
короче путь кубической кабины снизу вверх
и сверху вниз не больше требуется чтобы путь проделать
расхлопнуть двери из стальной трубы наружу
неподвижно
застыть с открытым ртом

но очередь у входа уже стоит
готовая подняться отсюда вверх
с тем чтобы побывать там и вниз
оттуда и опять встать внизу
всё у того же входа там стоять
отсюда вверх подняться потом вниз
спуститься и опять за другим встать
и непрерывен их путь наверх
как непрерывен их же путь вниз
какой-то цели ради они стоят
ждут разрешения чтоб войти внутрь
идут в затылок взгляд свой устремив
в чужой затылок глядя точно такой
у всех у них затылок будто нет
среди стоящих тех кто б слегка
отличен был от тех кто вокруг

сквозь пищевод на тросах поднимаясь кверху
и опускаясь вниз по шахте полый короб
в отверстиях мелькает меж опор стеблями
увитыми от основания трубы

до плоскости вверху неё куда стремясь
квадратная кабина по пути скрежещет
суставами о внутренние стенки так
что спящий пищевод подрагивает телом
своим но комната тем временем опять
распахивает двери и впускает в глотку
пока ни одного внутри не будет места где б
мог кто-то поместиться и потом смыкает две
прямоугольные губы тем самым всё пространство тоже
смыкая никого не в силах выпустить наружу прежде
чем ей позволит срок

ничем не примечателен подъем к площадке
куда пространство комнаты выводит двери
раздвинув в стороны и слив себя с платформой
разомкнутым утратив стену становясь
нарушив форму куба но внутри неё
по-прежнему ничем никак ни в коей мере
не примечателен подъем поскольку вверх
направив взгляд помимо потолка увидеть
нельзя ни верхнюю площадку ни трубу
квадратной оболочкой комнату сжимая
растущую наверх своей осанкой в холм воткнув
железный мост из комнаты ведущий напрямик
на лысую вершину на одном с платформой и домами
напротив уровне над крышами других хотя сюда же
пешком легко пройти

безликие фигуры послушно ждут
с уверенностью глядя перед собой
внимательно молчат чтобы не
нарушился процесс не исчез
путь по трубе к вершине пару слов
порою позволяют себе они
но в основном о том кто за кем
стоит стоял когда будут внутрь
пускать в стальные двери когда им
позволят очутиться там внутри
ждут разрешенья чтоб войти внутрь
подняться снизу вверх голоса
их редкие у входа глухой шум
помноженный на сотни плывет там
по улице кривой вдоль домов
к ступенькам по холму и наверх

III

там где слышно

себе подчинился шаг по кромке ведущий
уныло наперечет углы в сырой гуще

обойдя ступнями чтоб горло перестало
вторить и контур кривой так сомкнув устало

искажен в прихожей их голос перенятый
в гуще шипящих чужих и слогов разъятый

ведут к ним нетрудные в наш век пути многи
ведут к ним размытые водой его ноги

ведут к ним заметные ему следов сети
о которых в комнатах рассуждают люди

те кто пришли

выяснять никчемное
вотще обвыкнув по итогам многих

повторенных наново
событий мимо неживых влекомы
в нежилые полости
стремятся скрыться а повсюду некто
наблюдать расставлены
в глухих пещерах по краям по крышам

у дверей незапертых
квартир куда их накануне скопом
поселили чтобы не
терпеть подневно поминутно лица
голоса и контуры
на фоне бледных размышлений костных
оболочек чтобы не
считаться с ними их следов не ведать

шепелявым гомоном
глухим нелепо исходящи ближе
к своему подобию
упругой сумме вещества послушно
на посту своем стоят
следят за ними и проходит время
окаймляя выходы
топча пороги помещений жадно

по пятам за этими
проемы щурит никого не видя
ничего не чувствуя
затем а только голоса за дверью

оттого не следует
искать последствий дожидаться лучше
отстраниться или же
из легких скрежет извлекать зубовный

предметы падающие навзничь

точкой мелкой внутри явь измеряя в вещь
так был сомкнут теперь птясь к стеклу куда
из утробы возник в линзу кривясь
этот внизу ради живущих там

в яме возле других есть распростерто дно
для ног мягких в песок стертых для плотных рук
погружаясь туда глубже покрыв
губы клочком ткани прохожий ждет

в щели между костей мышц сухожилий в жест
вдет их оклик не знать больше чем должно чем
разрешили сейчас смотрят бубнят
что-то зрачки спрятав касаясь лба

точен каждый кивок всхлип непонятен но
дан им прежде сидят в месте где много есть
истощенных существ тихо они
речи хрипят в стены вживленным им

яма слышит таких кто забывает кто
был там молча куда вещи их сносят чтоб
пристращались к местам темным потом
кожу свою к стеклам подносит кто

ими полон загон им предоставлен день
их тел облик един замкнут их общих шаг
остаются в нутре липком внутри
тонут они лица направив вверх

послание предмету

слышат зовет их тускл
тел пористый позвоночник
видный едва ли здесь
где выращен перед прочим
годный на то чтоб быть
меж вспененной перемычкой
и пустотой куда
отправился прежде прочих

коих скормив углам
разомкнутым ослепленным
прячут порой в себе
в укромное где спокойно

видел слова зрачок

им явленный в промежутке
между стеной и тем
что собрано здесь напротив
им подчинясь вменив
условиям измененным
неким себя поют
их старости пыльной гимны

их разглядев оставь
привычное отстраненно
после чего из тех
для прочего различайся

среда обитания

в ночь деревьями материя выбелена
из клюва льется вяло расположив
себя над телом чей извилист
теплый скелет в чешую завернут
и расходятся по собственным туловищам
сядутся рядом ноздри раздув жуки
в зубах сжимают инструменты
рты повернув к храмовидной чаше

желобами проследовав вкопанная
в суглинок рыхлый дышит внутри вода
клюет объедки у подножья

дуба живет в глубине распухшей
отрекаясь от искомого туловища
увечно мясо бьется внутри нее
к тому же знает осязание
массу руки к насекомым близясь

не ощупывай не прячься под притолокой
от пришлых тел не слушай животных птиц
и нас кого расположили
между стеной и окном наружу
вместо этого присутствуй где следовало
остаться предкам или расставь других
вдоль края у стекла витрины
где на крюках шестеренки крыльев

простейший

это и многое другое видел простейший из данных
сидя на пищевой цепочке пальцы кривые расправив
кости разделанной собаки шерстью поросшие видел
стекла наставленные прямо в лица беззубых по кругу
сонный и оскопленный голос первому встречному
данный

щуря усталые глазницы в вялой улыбке оскалив
десна под белыми губами многое видел и слышал
многих но встать не удавалось ниже ступенью а впрочем
выше подняться и подавно оному не удавалось

а человек

*иль не затем он
в. ходасевич*

не затем ли что б забыть прорастают
дабы знал изучающий глину
меру в спокойном осязании
упругой массы

разветвленной по бокам распростертой
из себя корневище исторгнув
листья увечны искривленные
в чешуйках мокрых

дабы видел каково мышц побега
полотно у подножия стебля
кверху над пылью заостренного
вращенья ради

не затем ли из таких явлен этот
чтоб забыть заблудившись в фрагментах
всюду случайно перевернутых
в процессе роста

прорисован был и стерт предыдущий

не успев примелькаться другому
место послушно подготовлено
гостеприимно

ПОЗВОНОЧНОЕ

но теперь истощен насквозь источник
мозговой по коре прошитой ткани
вдоль ствола очревленный где таламус
только ведает как делить а форма
неясна волокно плетет и вяжет
перекрёст изнутри в продолговатый
коридор между кухней и прогорклым
помещением куда склонясь направлен
был по краю с утра но позже вынут
утомленный теперь когда не в жидкость
обращен не в скелет не в брешь не в числа
не в язык превращен но в пыль привычный
смысл всего углубленный внутрь по тракту
протяженный взамен минут и прочей
чепухи измельчен развеян там где
никогда ничего теперь проходит
одинаковый день в таком же точно
воплотясь полусне таком как этот
одинаковый день который длится
оттерпев или нет едва ли важно

грек фотографирует лаокоона

так продолжается бодр наблюдатель из трех наблюдателей

самый бесплотный пепельно-серое тело не в фокусе
в центре меж этими телом лежащим и телом
распахнутым

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.